

«Одному моему знакомому писателю в разговоре о его книге, которая вскоре должна была выйти в свет и у героини которой имелся вполне узнаваемый прототип, посоветовали изменить хотя бы цвет волос этой героини. По-видимому, стать она блондинкой, ее было бы труднее узнать. Так вот: я не нахожу эту уловку наивной, я нахожу ее совершенно неприемлемой. Я хочу, я требую, чтобы мне называли подлинные имена, меня интересуют лишь те книги, к которым не надо искать ключ. К счастью, время психологической литературы с ее романтическими небылицами уже на исходе».

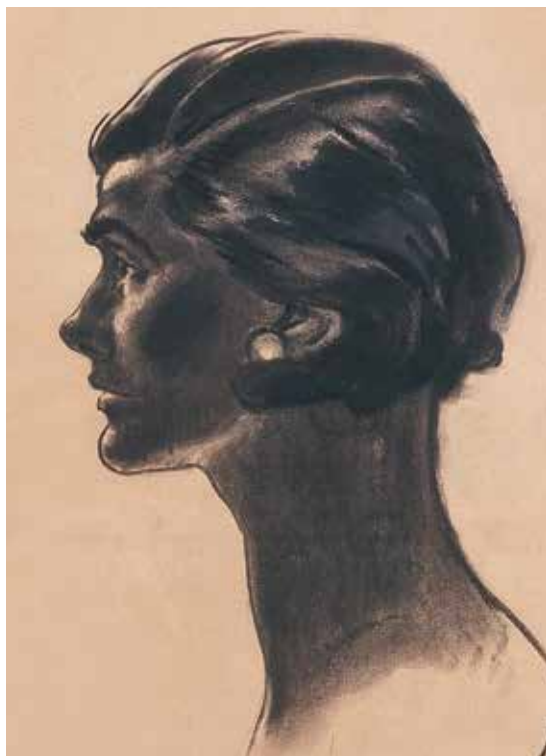
Андре Бретон. «Надя».

«...Я не признаю за вами власти над жизнью или смертью вымышленных людей, которые могут стать вооруженными или безоружными в зависимости от вашей прихоти. Ограничьтесь тем, чтобы оставить мне ваши воспоминания; назовите подлинные имена, докажите, что вы ни в чем не переделали ваших героев».

Андре Бретон. «Рассвет».

«Ривьера».

Обложка французского журнала «Вог»,
январь 1932 год. Париж, Библиотека
декоративного искусства.



Мадемуазель Шанель.
Рисунок Дриана.

Шанель — дитя другой эпохи. Женщина, которую мы привыкли считать нашей современницей, родилась в 1883 году. В этом году президент США Алан Артур Честер торжественно открыл невероятно дерзкое, по общему мнению, архитектурное сооружение: Бруклинский мост; в Москве состоялась коронация императора Александра III и его супруги, разукрашенной словно идол — ее платье из серебряной парчи весило тридцать два килограмма; в Париже узнали, что над ханойской цитаделью поднят французский флаг; в Берлине печатались злопыхательские статьи за подписью Бисмарка, в которых утверждалось, что французы — нация бесноватых, а в Лондоне подданные чопорной королевы Виктории задавались вопросом: любила ли она своего лакея? Ибо ее величество, глубоко скорбя о кончине своего слуги Джона Брауна, отменила все аудиенции. Но ни одна газета не сообщила о таком заурядном и незначительном событии: в провинциальном приюте для рожениц у четы бедняков, даже не состоявших в законном браке, родился второй ребенок. Отец был бродячий торговец из Севенн, мать — молодая крестьянка из Оверни. Новорожденную назвали Габриель Шанель.

Ей тоже суждено было царствовать — по-своему.

По какой причине мадемуазель Шанель, которой всегда удавалось избегать неловких ситуаций, столь частых в мире моды, всю жизнь ревностно охраняла тайну своего происхождения? Отец Шанель, если верить ее словам, был человек-загадка, он производил на свет больше детей, чем был в состоянии прокормить, тратил больше, чем зарабатывал, а потом вдруг бесследно исчезал. На что он жил? Она не отвечала на этот вопрос. Мы никогда не узнаем, что заставило Шанель быть такой скрытной во всем, что касалось ее семьи, многочисленных братьев, матери — она рано умерла, и маленькая Габриель оказалась в провинциальном сиротском приюте.

Рассказывать о ее жизненном пути — дело неблагодарное. С ней не случилось даже того, что случается с большинством женщин: она не была замужем, у нее не было детей. Через неделю после того, как мать Габриель умерла, отец ее уехал неизвестно куда, и судьба девочки была решена: ее ждала нелегкая доля воспитанницы монастырского приюта. Уточним: ей не грозили ни голод, ни жестокое обращение, а лишь суровый быт, одиночество и тоска.

Потом было трудное вступление в жизнь.

На что в то время могла рассчитывать бедная девушка, воспитанная на средства монастыря? Худшим вариантом для такой девушки, по сути еще подростка, было место продавщицы у какого-нибудь мелкого лавочника. Этого следовало избежать во что бы то ни стало. Восемнадцатилетняя Габриель думала о такой перспективе с содроганием. Тем не менее свою самостоятельную жизнь в городке Мулен она начала именно в этом качестве: поступила продавщицей в магазин, торговавший приданым для новорожденных, полотном и галантереей. Прошло несколько лет. Габриель перебралась в Виши и, мечтая о театральной карьере, стала пробовать свои силы как певица и танцовщица, однако эти попытки не увенчались успехом.

Ей было двадцать пять лет, когда один молодой человек из семьи, принадлежавшей к влиятельной буржуазии, предложил ей — нет, не руку и сердце, а просто разделить с ним его жизнь. Этьен Бальсан был наездником-любителем и коннозаводчиком. Габриель Шанель приняла его предложение и поселилась у него в поместье близ Парижа. В последующие годы ей пришлось многому научиться: она извела и прелесть жизни в праздности и богатстве, и секреты той роли, которую ей довелось играть, — роли официальной «спутницы» богача. Легко себе представить, в какую ярость приводили Шанель легенды о ее прошлом, о девочке, будто бы покинувшей родную провинцию в хлопчатобумажном переднике и деревянных



Портрет Шанель.
Рисунок Кокто.

башмаках. Вполне вероятно, ее тогдашний гардероб был скромным, однако известно, что в Париже она появилась одетая уже по своему собственному вкусу, то есть непохожая ни на кого, и в ней угадывалось то скрытое пламя, которое позже заставляло всех, встречавшихся с этой женщиной, запомнить ее навсегда.

И началась сказочная пора, когда она жадно хваталась за все, что подбрасывал ей случай. Она была и амазонкой, и соблазнительницей, легко управлялась с лошадьми и ловко пользовалась присущими ей достоинствами: умением быть невероятно красивой и в то же время естественной, а также необычайно обаятельной. Ее встречали повсюду: в Париже, в По, в Канне, в Довиле. Тогдашние светские львы были от нее без ума. Бальсана сменил англичанин Бой Кэпел, человек блестящего ума, ставший самой большой, а может быть, и единственной любовью Шанель. Но и он предложил ей всего лишь сойтись с ним, о законном браке не было и речи.

Была ли она счастлива? Габриель Шанель позволяла так думать, хотя позднее, в редкие минуты слабости, признавалась, что в те времена плакала чаще, чем когда-либо. А еще она говорила, что никогда не требовала от жизни ничего особенного, ей только хотелось настоящего счастья, чтобы ее разглядели и выбрали, выбрали навсегда. Однако судьба не подарила ей такого счастья.

Летом 1913 года она решила, что не станет дольше терпеть унижительное положение содержанки. И тогда при финансовой поддержке Боя Кэпела открыла в Довиле свой первый магазин. И принялась за дело с невероятной энергией, как будто пробивала себе путь на волю. Впоследствии ничто не заставит ее отказаться от работы, за которую вначале она ухватилась, чтобы взять у жизни реванш, и которая очень скоро стала смыслом ее существования. Даже разразившаяся вскоре война, даже гром орудий Вердена не смогут ее остановить.



Коко Шанель в своих апартаментах в отеле «Риц». Франсуа Коллар, «Харперс Базар», Париж, 1937 год.

С этого момента и до последнего дня она — деловая женщина. Всю жизнь она будет трудиться без устали, следуя своему двойному призванию: создавать новые модели одежды и управлять предприятием, будет предлагать все более и более многочисленным клиенткам собственную версию того, как надо одеваться, бросит вызов ведущему стилисту того времени Полю Пуаре, постепенно, одну за другой, отбивая у него клиенток и расширяя таким образом круг сторонниц, которые по ее призыву навсегда откажутся от эгреток, причесок из длинных волос и сужающихся книзу юбок.

Сразу после окончания Первой и в канун Второй мировой войны ее взаимности будут добиваться знатнейшие особы. Один из этих людей отличался необыкновенной красотой, но пребывал в бедности и в изгнании — великий князь Дмитрий Павлович. Другой, обладавший несметным богатством, почти король у себя в стране, — герцог Вестминстерский, самое влиятельное лицо в Великобритании. Габриель Шанель сумела обернуть себе на пользу близкие отношения с каждым из них. Русский великий князь привил ей вкус к мехам и великолепным, по-византийски роскошным тканям; англичанин приучил ее к исконно британскому твиду, который она вскоре наденет на женщин, в сочетании с блузкой из джерси и жемчужными бусами: для того времени сочетание революционное. Она усвоила также английскую манеру ставить комфорт превыше всего и с тех пор придерживалась мнения, что роскошь может иметь лишь одну цель — придать простоте изящество.

Она не протестовала, когда ее имя связывали с именами этих двоих; однако это отнюдь не означает, что они были ей дороже всех. Ее сердце хранило другие воспоминания, память о других утратах и других страданиях; но она обладала редкой способностью скрывать свои чувства и, твердо решив однажды, что чье-то имя не сорвется с ее уст, никогда не проговаривалась. Потом началась еще одна война, и Франция потерпела поражение. Грохот немецких сапог,



Мадемуазель Шанель
в своих апартаментах
в «Рице». Рисунок
Кристиана Берара.

раздававшийся в оккупированном Париже, исключал самую мысль о мирных модных дефиле, на которых царила Шанель. Она распустила армию своих манекенщиц и закрыла свое предприятие. За это ее подвергли жесточайшим нападкам. Коллеги говорили о сдаче позиций, о дезертирстве. Но ей не было дела до этих разговоров...

Время оккупации — темная, беспросветно темная страница в ее жизни. Несмотря на все предосторожности, стало известно о ее любовной связи с немецким офицером. Все были возмущены, и после войны ее без конца попрекали этой историей.

Наступил мир, но прежней Франции уже не существовало. Шанель понимала это лучше, чем кто-либо другой. Где они, миллиардеры былых времен? Где они, иностранки, покупавшие платья дюжинами? Шанель не открыла заново свой модный дом. Надолго замкнулась в себе, сочла за лучшее удалиться в добровольное изгнание в Швейцарию. Как настоящая крестьянка, она выжидала и хранила молчание. Период бездействия длился тринадцать лет.

Париж забывает быстро. О Шанель уже почти не говорили, в обновленном обществе мало кто помнил даже ее имя.

И только когда на парижском небосклоне возшла звезда нового кутюрье, величайшего из великих, — только тогда в ее сердце опять вспыхнула жажда борьбы. Кристиан Диор, находившийся в зените славы, был для нее достойным соперником. И она поставила себе цель: победить его. Даже если она не добьется полной победы, ее внезапное возвращение причинит ему немалое беспокойство. Успех Шанель был поистине головокружительным. И эта женщина вновь со всей страстью отдалась делу своей жизни — ей шел тогда семьдесят второй год. Она работала как одержимая и оставалась совершенно бесчувственной к людям, которых повергала в смятение своей требовательностью, своими вспышками гнева. В такие моменты жизнь многоэтажного дома и сотен служащих зависела от взмаха ее руки, от интонации ее голоса. Надо было прожить рядом с ней дни или ночи перед показом очередной

коллекции. Надо было видеть ее, измотанную, с утра не бравшую в рот ничего, кроме стакана воды, но ожесточенную — ибо она всегда была недовольна. У нее было столь высокое представление о совершенстве, что принцип «сойдет и так», широко применяемый в других местах, заранее исключался. Надо было слышать сердитые монологи мадемуазель Шанель, или, точнее сказать, ее перебранки с ниткой, пряжей, тканью, непослушной линией кроя, в общем, всем, что отказывало ей в повиновении.

Сколько ночей, сколько дней провела она так за свою долгую жизнь? Стоило ли причинять себе такие мучения ради того, чтобы называться великой Шанель?

При необыкновенном профессиональном успехе она была абсолютно одинока, обделена тем, что было для нее важнее всего: женским счастьем. И все-таки! Можно ли было быть более независимой, более свободной, чем она?

Ее необыкновенная судьба опровергает мнение о том, что залог счастья женщины — в равенстве возможностей. Как глава предприятия Шанель ни в чем не уступала мужчинам, а зачастую могла дать им сто очков вперед. Но в личной жизни это была самая беззащитная из женщин. Причем если содержанием ее жизни всегда была мода, смыслом этой жизни все же оставалась любовь. Но в любви ей суждено было познать лишь разочарование.

Порой, когда ее оставляли силы, окружающие слышали, как она говорила себе: «Ах! Это сведет меня в гроб». У того, кто слышал это, сжималось сердце. Умереть из-за неправильно скроенной проймы, из-за тесьмы, пришитой чуть ниже или чуть выше, чем нужно, умереть за собственное представление об элегантности — это немного чересчур, не правда ли? Она сражалась долго, до последнего вздоха. Однажды выдалась такая неделя, когда ей, вероятно, чаще обычного приходило в голову: «Ах! Это сведет меня в гроб». И в конце недели она умерла. Десятого января 1971 года был выходной день, воскресенье. Вечером сердце Шанель остановилось. Ей было восемьдесят семь лет. Она царствовала в мире моды почти полвека.